
УДК 316.7
ББК 60.000.3
С 16

Е.В. Сальникова,

кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного института искусствознания, тел. 8(499) 3179803, (916) 6255156, e-mail: k-saln@mail.ru, armada@zmail.ru

Звездное небо как пространство визуальной информации

(Рецензирована)

Аннотация. Посвящена аспектам предыстории современной технической визуальной культуры и ее феномену новостного вещания. Автор развивает концепцию небесного пространства как древнего экрана и носителя информации. В статье рассматривается воздействие астрономии и магических астрологических практик на визуальную интерпретацию вселенной, а также связь сакральной небесной образности и виртуальной реальности нынешних визуальных технологий.

Ключевые слова: культурология, визуальная культура, виртуальная реальность, информация, экранные формы, массмедиа, духовная активность.

E.V. Salnikova,

Candidate of Art Criticism, Senior Scientist of the State Institute of Art Researches, Moscow, ph. 8 (495) 6940371, (499) 3179803, (916) 6255156, e-mail: k-saln@mail.ru, armada@zmail.ru

The star sky as the space of visual information

Abstract. The work deals with the aspects of prehistory of the modern technical visual culture and its phenomenon of the mass-media news. The author develops the idea of the sky space as the ancient screen and the information-carrying medium. The work studies the influence of the astronomy and magical astrological practices upon the visual interpretation of the Universe, as well as the connection of the sacral pattern of sky images and the virtual reality of contemporary visual technologies.

Keywords: cultural studies, visual culture, virtual reality, information, screen forms, mass-media, spiritual activity.

Небо постоянно находилось в поле зрения древнего человека и являлось объектом хронического наблюдения. Вместе с тем небо всегда оставалось вне зоны физической досягаемости. Магнетическое сочетание зримости и недоступности, зримости и бесплотности позволяет говорить о небе как о первом пространстве, где была сосредоточена сугубо визуальная информация. В данной работе мы рассмотрим специфику древнейшего восприятия неба, полагая его природным носителем визуальной информации, а стало быть, обладающим внутренними смысловыми связя-

ми с технической визуальной культурой фотографии, кино, телевидения, видео и т.д.

Согласно версии исследователя кроманьонской культуры Александра Мэршака (Alexander Marschack), самый древний из обнаруженных учеными образец знакового письма, высеченного на фрагменте каменной породы 40 тысяч лет назад, представляет собой не орнамент, не произвольные рисунки, сделанные за один приступ. Линия варьирующихся отметок являет логическую последовательность знаков, фиксирующих смены лунных

фаз. Как рассуждают другие исследователи, «если теория Мэршэка верна, она указывает на то, что человек делал записи более тридцати тысяч лет назад — за двадцать пять тысяч лет до того, как шумеры изобрели письменность» [1]. Но кроме того записи кроманьонца подразумевают потребность свести в единый текст, в единое знаковое «тело» отметки о разных состояниях далекого небесного тела, существующего во временном потоке. Уже тогда была потребность и способность запечатления последовательности этих состояний — когда луна из круглого диска превращается в полукруг, полудиск, а затем снова в полный диск и так далее. Фиксация лунных фаз предполагает последующее напряженное созерцание рисунка, попытку, глядя на графический рисунок, «понять» Луну, закономерности ее бытия. Созерцание жизни небесного тела, наблюдаемого на ночном небе, есть и фиксация картины мира, и выявление структуры этого мира.

Исследователи доисторического периода, в частности, В. Б. Мириманов, Э. Л. Лаевская, признают, что человечество каменного века уже проделало огромный путь развития изобразительных приемов и освоило все основные элементы изобразительности [2,3]. Можно отметить, что тогда же, в глубочайшей древности человечество ухватило суть динамической смены «картинок», то есть внешнего вида объекта, наблюдение и фиксация которого растягивается во времени и должна делиться на фазы. В этом есть нечто родственное идее разбивки киноповествования на кадры, следующие друг за другом в строгой последовательности. В каждой фазе, как и в каждом кадре, обязательно должен быть информационный визуальный текст.

Общий монтаж «кадров» показывает перемены состояния объекта или объектов, их жизнь во времени, их соотношенность друг с другом. Вероятно, невозможно найти косвенные убедительные свидетельства того, как автор древнего текста расценивал предмет своего внимания и отображения — как несколько разных объектов или как

один и тот же объект, подверженный переменам. Но очевидно то, что человека на той стадии уже интересовал феномен переменчивости и повторяемости, темы и вариации, поддающихся запечатлению. Правомерно предположить, что уже тогда у человека зарождалась потребность в создании динамической пространственно-временной картины мира, состоящей из поступательного ряда фрагментов.

Образец древнего «лунного календаря», интерпретированного Мэршаком, отнюдь не единственное указание на внимание людей каменного века к жизни неба. Как пишет Л. Филлингери, ссылаясь на Мэршака и делая обзор палеолитических артефактов, указывающих на потребность в символических отображениях неба и небесных светил, исследователь Михаэл А. Раппенглюк полагает, что палеолитический человек 16500 лет назад, будучи создателем изображений в пещере Ляско, нарисовал целый комплекс небесных карт для наблюдения звезд. И округлые вмятины, лунки на стенах пещер (которые ранее многие исследователи считали знаком женского полового органа) являют карту Плеяд и других звезд [4]. Л. Филлингери анализирует комплекс древних образов и понятий, ставящих в центр не просто божественную мать-родительницу, но взаимоотношения женского начала с Луной [4], от которой зависит возможность зачатия (что приписывалось и до сих пор приписываются Луне в ряде астрологических практик). Рог нередко обозначал Луну, как, например, в мезолитическом наскальном изображении ритуального действия в Тиссукаи (Тассилин-Аджер, Сахара), где к округлому диску с обозначением солнца приставлен рог-луна.

Тема неба проявляется и в пещере Эль Кастильо на территории Франции. А на территории Шотландии, в Оркни, сохранилось каменное надгробие, вершина которого расположена явно в соотношении с ритмами движения Солнца и Луны, как и общая композиция Стоунхенджа (сооружавшейся три столетия, 1900-1600 гг. до н.э.), являвше-

го подобие древней обсерватории и храма Солнца [5]. Система соотношенности форм Стоунхенджа с движением небесных светил воплощает человеческую потребность ощущать себя в большом сакральном универсуме и видеть себя в единой композиции с небесными телами, излучающими свет.

От регулярного созерцания ночного неба — к фиксации зримых метаморфоз в форме условных знаков — к попыткам аналитического созерцания условных знаков и к осмыслению с их помощью закономерностей жизни ночного неба. Такова модель творческого взаимодействия человека с телами ночного небесного простора. Со времен кроманьонских опытов многократно возрастала точность фиксаций и результативность их осмысления, уж не говоря о прагматике целей.

Чем сильнее развивалось земледелие, тем больше человек зависел от состояния природы на протяжении длительных периодов времени. В этих периодах смены сезонов, погодных колебаний необходимо было ориентироваться. «В Египте, как и в Греции, связь небесных явлений и сезонов года была осознана еще до начала научной астрономии... Видимости звезд, такие как утренний восход Сириуса или вечерний заход Плеяд, рассматривались как предвестие разлива Нила или как напоминание о наступлении срока пахоты» [6].

Изучение неба, астрономических циклов, движения звезд давало ощущение времени, природной цикличности. Звездное небо над головой наглядно показывало человеческому глазу идею порядка и упорядоченного движения и изменений вида тел в пространстве и времени. «Вычисление времени в древней Вавилонии, как и в Греции, были основаны на фазах Луны. Новый вавилонский месяц начинался вечером, когда молодая Луна впервые становилась видна» [6]. Выявление логики метаморфоз небесных тел позволило вычислять заранее многие явления вселенского бытия и составлять астрономические таблицы.

Более и менее древние таблицы и схемы подобного рода объединяет одно

показательное свойство — полное отсутствие образов ночи как особенного состояния зримого окружающего мира. Ночь здесь, скорее, орудие, дающее возможность увидеть и отобразить динамику жизни где-то высоко на небе, в соотношении с жизнью Земли. Древний человек смотрел бесконечный «сериал» ночных небес с его регулярными событийными повторами и уникальными кульминациями вроде затмений. А фиксировал человек схему, стенограмму этого визуального небесного «сериала». В данном аспекте восприятия ночного неба человеку была важна и интересна собственно динамика и логика бытия неба, небесных светил и тех свойств Земли, которые зависимы от небесной динамики (например, смена сезонов или отливы и приливы).

Другая тенденция состоит в противоположном — в создании богатой многосложной образности, связанной с ночным звездным небом. Подробности интерпретации небес были различны у разных народов, в разных религиозных структурах. Однако главная суть воззрений, касающихся небес, оставалась достаточно стабильной и единой.

Небесные светила, доступные невооруженному глазу, с древнейших времен выступали и опорными пунктами небесного ландшафта (самый яркий образ — Млечный путь, или, в китайской транскрипции, Небесная река), и одушевленными существами, обитающими в этом отдаленном ландшафте. До небесных видений, будь то облака или звезды, молния, солнце и луна, нельзя было дотронуться рукой и проверить, как они устроены, каковы по фактуре. И это провоцировало работу воображения. «Греки считали, что звезды — это светящиеся точки, вкрапленные в поверхность вогнутой сферы, центром которой является Земля. Мы все еще видим вселенную именно так, хотя и знаем, что она совсем другая. Мы видим Солнце, движущееся поперек неба, хотя знаем, что причина этого кажущегося движения Солнца — собственное вращение Земли», — пишет Ричард Грегори. — «Находясь в движении, мы замечаем, что Луна и звезды «сопро-

вождают» нас в пути. Разумом мы понимаем, что они неподвижны, но так далеки, что паралактическое смещение их не может быть нами замечено. Земные же предметы остаются на вид неподвижными (параллакс их смещения слишком мал) только в тех случаях, когда предметы перемещаются вместе с нами; потому и небеса зрительно «сопровождают» нас в пути. Быть может, меня не сочтут слишком большим фантазером, если я допущу, что именно видимое активное участие небес в перемещениях человека привело его к вере в то, что звезды не холодные созерцатели земной суеты, а заинтересованные наблюдатели всех ее индивидуальных судеб» [7].

Наиболее архаический вариант подобного «населения» небес с помощью творческой воли и воображения — учреждение богов, будь то шумерские бог неба Ан, бог Луны Нанна, бог Солнца Уту, богиня Венеры Инанна или же египетские бог Солнца Ра, богиня неба Нуит. Божества небес могли мыслиться более и менее абстрактными, антропоморфными, зооморфными (небесная королева Нуит или бык Зевс), и весьма часто зооантропоморфными. С реальным видом планет, звезд и ночного (равно как и дневного) неба эти мифологические персоны напрямую никак не соотносились.

Человеческое сознание проделывало большую рациональную работу по приданию небу разветвленной образности, весьма далеко отстоящей от объективной визуальной реальности. Сегодня нам кажется само собой разумеющимся, что карта неба разбита на созвездия, у которых есть свои названия, а точнее — имена. Но следует признать, что необходимо особой силы фантазийное видение, дабы родились образы знаков Зодиака, то есть тех созвездий, через которые проходит Солнце, а также нескольких десятков других созвездий, подобных природно-мифологическим существам, человеку, предметам.

Формирование специфической эстетики астральной образности является концентрированным проявлением той главной способности, которая дала им-

пульс всей человеческой жизнедеятельности. «Благодаря необыкновенному развитию предлобной области и зрительной зоны коры головного мозга, человек может представлять себе даже то, что не происходило на самом деле; он может воображать, будто делает что-то, чего в действительности никогда не делал... Он может концептуализировать и визуализировать возможные и потенциальные действия...» — пишет Джордж Франкл о человеке каменного века [8]. «Проецирование субъективных ощущений на внешние объекты наполняет эти объекты субъективностью; они начинают восприниматься как живые и наделенные импульсами и ощущениями» [8].

Человеческая визуальная фантазия вступала во взаимодействие с реальной картиной звездного неба. Наблюдаемое на реальном небе подвергалось сегментации, достраивалось фантазийными контурами, совмещалось со зримыми образами тел и анимизировалось. Происходило наращивание визуальной плоти на звездные «скелеты», а те, в свою очередь, складывались из векторов, увиденных взором, движущимся от одной звезды-точки к другой. Сознание дорисовывало несуществующий изначально план, набрасывало абрисы неких существ и «оживляло» их собственным стихийным мифотворчеством. В результате эстетизации и визуализации невидимого учреждаются созвездия, мыслящиеся живыми существами и в то же время изображениями, наносимыми творческой волей как бы поверх космической реальности. Из симбиоза наблюдения за реальной картиной неба и субъективного созидания визуальных образов рождалась древняя виртуальная карта неба, визуальная мифология неба.

Однако рационально и осознанно древнее человечество искало в визуальной картине небес объективную информацию. В Новое время человек с удовольствием продолжит пользоваться наработками глубокой древности и средневековья. «Самая благородная и прекрасная суть науки Астрологии может быть обозначена как искусство

предвидения и предсказания будущих событий с помощью движения, расположения и воздействия небесных тел, а также других божественных феноменов, выведенных из умственных рассуждений и практических наблюдений, сделанных наиболее мудрыми философами во все века, и в большинстве стран цивилизованного мира», — с уважением суммируется в сборнике многообразных астрологических текстов, опытов и практик разных эпох «Астролог девятнадцатого века, или Властелин ключей от будущего, целостная система астрологии, хиромантии и оккультных наук» [9]. Даже в наши дни, в начале XXI века стоит открыть ряд интернет-сайтов, посвященных астрологии, — и нас окунают в архаические пучины миропонимания, подаваемые в соответствии с последними достижениями визуальных технологий.

В культуре устойчиво сохраняется интерпретация небес как ценного резервуара сведений о том, что невозможно узнавать обычными для земных обитателей способами. Эти сведения, и астрономического, и астрологического характера, мыслились обладающими сакральным происхождением. Однако, что очень важно, процесс добывания небесной информации не считался табуированным. Напротив, небеса ценились как открытая информация. Не общедоступна способность ее верно интерпретировать.

И древняя астрономия и древняя астрология исходили из веры в то, что посвященный, компетентный знаток способен разобраться с небесными текстами, которые достоверно описывают прошлое и грядущее, а также содержат зашифрованные инструкции практических действий, что и поэтизирует Гесиод:

*Лишь на востоке начнут
восходить Атлантиды-Плеяды,
Жать поспешай;
а начнут заходить, —
за посев принимайся [10].*
.....
*Только начнет восходить
Орионова сила, рабочим
Тотчас вели молотить
священные зерна Деметры [10].*

Человек желал ощущать и видеть в небесах то, что является на данный момент актуальной информацией, образует большой «новостной блок». Человек смотрел в небеса, чтобы прочитать о том, что происходит прямо сейчас или еще не наступило, но собирается наступить. В свете современной науки астрология часто предстает скоплением предрассудков, анахронистических представлений о магической вселенной, о прямой зависимости личности от космических композиций и соотношений. Однако изначально астрология воплощала скорее поиски свободы, методы управления ходом событий, человеческий прорыв к божественному знанию, причем, во многих случаях без прямой зависимости от личных контактов с магическими персонами.

С древних пор в письменах небес прежде всего искали и находили подтверждения того, что жизнь где-то программируется. У земного существования есть план — высший план, исходящий не от людей, но лишь осуществляемый посредством людей, знают они о том или нет. И хаосом, странным, непонятым, абсурдным, это существование может казаться лишь потому, что не все письмена удается вовремя увидеть, прочитать, распознать, а распознать, отреагировать на полученную информацию. Неизвестность не абсолютна, это удел лишь непосвященных. Но посвященные должны существовать среди непосвященных земных обитателей и должны просвещать других.

Потребность в обретении достоверных истин, новостей, анонсов, судьбоносных прогнозов на будущее, которые невозможно почерпнуть из картины земного бытия, определили восприятие визуальной материи ночного неба как объективной информации, не подлежащей произвольным трактовкам. Показательно, что даже эра христианской культуры не могла отменить данную тенденцию. Как пишет в своей истории астрологии П. Уитфилд, двор короля Артура описывался как «школа двухсот философов, изучающих астрономию и другие искусства, наблюдающих движение звезд, с по-

мощью вычислений предсказывающих для короля Артура приближение замечательных событий» [11].

Не только многие короли, но и папы Римские считали необходимым иметь придворных астрологов и руководствоваться их изысканиями и рекомендациями [11].

На протяжении веков и тысячелетий человек производил семантизацию картины неба. Самодостаточное природное пространство превращалось в ориентированное на человека образно-информационное поле. Изучение неба оказывалось в чем-то аналогично смотрению телевизора или блужданию в интернете — без попыток связаться с какими-либо информационными службами, поговорить с одушевленными сотрудниками. В своей сакральности, надчеловеческом могуществе и всеведении небеса мыслились безличными держателями божественного знания, демонстрационным экраном, посредством которого на связь с человеком выходят не боги и не сакральные существа напрямую, но как бы мироздание в целом. Оно не персонифицировано, оно обозначает на небесах свою волю, свои решения — и оставляет «до востребования». Не видно, как и откуда берется эта небесная информация. Напрямую она ни к кому не адресуется,

ее прямые источники не явлены, и это влияет на человека гипнотически, словно подтверждая сакральные магические свойства небесных текстов.

Итак, мы можем сделать вывод о наличии глубинной исторической закономерности в мощном воздействии современной визуальной культуры на многомиллионные аудитории. Небесный экран с древнейших времен мыслился носителем существенных, актуальных сведений о состоянии мира и принципах деятельности в нем. Людей с давних пор завораживает развертывание перед их взорами визуально-информационной образности, с которой невозможно соприкоснуться физически. Благоговение вызывает независимое, дистанцированное от воспринимающих субъектов существование информации, механизмы возникновения и исчезновения которой не очевидны. Это и роднит небеса с современными визуальными массмедиа. Анонимность большей части экранной культуры в некоторый степени аналогична имперсональности небесных посланий, восприятие которых составляло важную часть жизни древнего человечества. Современная визуальная культура продолжает внутренний диалог человека с мирозданием, начатый многие тысячелетия назад.

Примечания:

1. Prideaux T. Cro-Magnon Man. Amsterdam: Time-Life Books, 1979. P. 140.
2. Мириманов В.Б. Искусство и миф. Центральный образ картины мира. М.: Согласие, 1997. С. 23.
3. Лаевская Э.Л. Мир мегалитов и мир керамики. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. М.: Библиейско-Богословский институт Св. Апостола Андрея, 1997. С. 16-112.
4. Licia Filingeri. The Most Ancient Known Representation Of the Moon (Upper Paleolithic, Vara, Savona, Liguria, Italy) // Paleolithic Art Magazine. Liguria. 2005. January. URL: <http://www.paleolithicartmagazine.org/pagina16.html>
5. Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М., 1984. С. 167.
6. Варден, Ван дер. Пробуждающаяся наука. Рождение Астрономии. М.: Наука, 1991. С. 17, 19.
7. Грегори Р.Л. Разумный глаз. Как мы узнаем то, что нам не дано в ощущениях. М.: URSS, 2003. С. 129-130.
8. Франкл Дж. Археология ума. М.: Астрель — АСТ, 2007. С. 48-50.
9. The Astrologer of the Nineteenth Century, or the Master Key of Futurity, being a complete system of astrology, geomancy and occult science. London, 1826. P. 246-247.
10. Гесиод. Работы и дни. М., 1927. С. 51, 57.
11. Whitfield P. Astrology. A History. London: The British Library, 2001. P. 126-128.

References:

1. Prideaux T. Cro-Magnon Man. Amsterdam: Time-Life Books, 1979. P. 140.
2. Mirimanov V.B. Art and myth. The central image of the world picture. M.: Soglasie, 1997. P. 23.

-
3. Laevskaya E.L. The world of megaliths and the world of ceramics. Two art traditions in the art of pre-ancient Europe. M.: Biblical and theological institute of St. Apostle Andrey, 1997. P. 16-112.
 4. Licia Filingeri. The Most Ancient Known Representation Of the Moon (Upper Paleolithic, Vara, Savona, Liguria, Italy) // Paleolithic Art Magazine. Liguria. 2005. January. URL: <http://www.paleolithicartmagazine.org/pagina16.html>
 5. Hockins J., White G. Stonehenge decoded. M., 1984. P. 167.
 6. Waerden van der. Science awakening. The birth of Astronomy. M.: Nauka, 1991. P. 17, 19.
 7. Gregori R.L. A wise eye. How we learn something that we cannot sense. M.: URSS, 2003. P. 129-130.
 8. Frankl G. The archeology of mind. M.: Astrel — AST, 2007. P. 48-50.
 9. The Astrologer of the Nineteenth Century, or the Master Key of Futurity, being a complete system of astrology, geomancy and occult science. London, 1826. P. 246-247.
 10. Gesiod. Works and days. M., 1927. P. 51, 57.
 11. Whitfield P. Astrology. A History. London: The British Library, 2001. P. 126-128.